

М.Т. Валиев

**ЭРНЕСТ КАРЛОВИЧ ПЕЦОЛЬД —
АВТОР ЛУЧШЕГО УЧЕБНИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Более десяти лет мы занимаемся историей знаменитой петербургской гимназии Карла Мая. Созданная в середине XIX в. по инициативе немецкой диаспоры Петербурга, эта школа оставила заметный след в истории российской культуры, науки и государственной службы. Первым залогом качества подготовки питомцев служил девиз школы «Сперва любить, потом учить!» Но не менее важным фактором всегда являлся тщательный подбор педагогов, при котором учитывался не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и умение постигать и воспитывать душу ребенка. «Воспитание имеет целью не сломить волю ребенка, а образовать ее» — гласил еще один педагогический принцип школы Мая. Главной целью школа провозглашала приготовление юноши к труду, полезному обществу¹.

К началу XX в. школа достигла пика своего развития. Среди бывших учеников школы — члены Государственного Совета, губернаторы, ректоры высших учебных заведений, министры, крупные военачальники, деятели культуры и науки. Достаточно упомянуть такие имена, как губернатор Петербурга А.Д. Зиновьев, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, контр-адмиралы И.В. Коссович, П.В. и Ф.В. Римские-Корсаковы, генералы флота А.И. Варнек и П.Н. Вагнер, ректор С.-Петербургского университета Д.Д. Гримм, члены объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, В.А. Серов, К.А. Сомов, А.Е. Яковлев, писатели Г.И. Алексеев и Л.В. Успенский, российский ученый-литературовед академик Д.С. Лихачев, известный славист Р.Р. Фасмер, академики С.Г. Елисеев, Д.Н. Андрусов и многие другие. Не меньшей славой пользовались педагоги школы К. Мая. Учебники физики О.Д. Хвольсона, матема-

тики Н.М. Гюнтера, математической географии К.К. Арнгейма, немецкого языка Глезера и Пецольда считались лучшими на всем пространстве Российской империи. К сожалению, сохранилось очень мало документов той эпохи. Редкие удачи являются результатом долгих и не всегда результативных поисков. Особый интерес для нас представляет информация, выходящая за рамки сухих формулярных списков. К числу таких удач можно отнести и сведения о герое нашей статьи Эрнсте Карловиче Пецольде (1862–1940) (рис. 1), оставившем заметный след не только в нашей школе.

Биография этого человека выглядит удивительной даже в наш динамичный и всеохватный век: родившись в туманной Эстляндии и получив образование в знаменитом Дерптском (ныне — Тартуском) университете, Эрнст Карлович за свою долгую карьеру педагога успел учительствовать в Санкт-Петербурге и Рыбинске, в Умани и Вологде, в Ярославле и Ревеле (совр. Таллин).

Эрнст Вильгельм родился 17 апреля 1862 г. в Мярьямаа (немец. Meßjama, ныне — посёлок городского типа в уезде Рапламаа, Эстония) в лютеранской семье пастора прихода Мярьямаа Карла Пецольда (Carl August von Pezold, 07.06.1826–06.12.1904)² (рис. 2). Был назван

Рис. 1. Эрнст Карлович Пецольд (1862–1940)

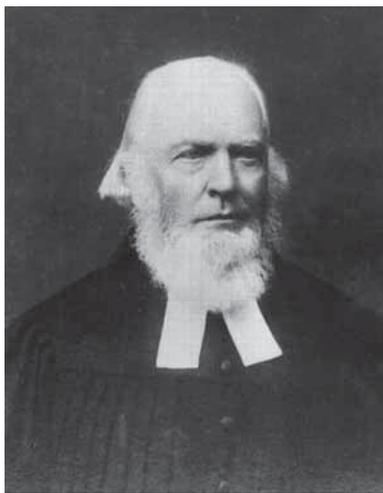

Рис. 2. Карл Пецольд (1826–1904), отец Э.К. Пецольда. ЕАА. Ф. 5238. Оп. 1. Д. 619. Л. 14

Эрнестом в честь своего деда. Духовное звание не мешало Карлу Пецольду быть приписанным к благородному сословию «дворян Эстляндской губернии»³.

Через два года после окончания гимназии, в 1881 г., Эрнест продолжил образование в Дерптском университете (рис. 3), обучаясь

Рис. 3. Аттестат зрелости Э.К. Пецольда. Ревель, 1881 г. ЕАА. 402.2.18794

Рис. 4. Э.К. Пецольд — студент
Дерптского университета
(около 1885 г.).

ЕАА. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 222. Л. 284

кого языка. Первое обнаруженное нами издание появилось на прилавках в 1900 г.

По этому учебнику учились многие поколения учеников в России, Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Польше. Учебник «был допущен Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного руководства в двух младших классах средних учебных заведений министерства; рекомендован Главным управлением военно-учебных заведений для преподавания в кадетских корпусах; одобрен Учебным комитетом Министерства финансов для двух младших классов коммерческих училищ и торговых школ» (рис. 5).

В дальнейшем учебник многократно переиздавался — последнее обнаруженное нами дореволюционное издание имело номер XX⁶. Однако известны и более поздние тиражи — издание 1922 г. (Рига, Ревель, Берлин)⁷, издание 1925 г. (Эстония) и даже издание 1930 г.

филологии и истории. 29 января 1888 г. бывший студент историко-филологического факультета был удостоен звания действительного студента всеобщей истории (рис. 4).

После окончания университетского курса в 1888 г. переехал в Санкт-Петербург и год работал помощником учителя в немецкой школе Анненшуле. Однако, понимая, что в столичном Петербурге карьерный рост будет медленным и трудным, молодой учитель уже в 1890 г. перевелся в Уманское училище земледелия и садоводства на Украине⁴. Затем последовало четыре года работы в Вологодском реальном училище и почти семь лет, с 1897 по 1904 г., — в Кадетском корпусе Ярославля⁵. Именно к этому периоду относится совместная работа Э. Пецольда и П. Глезера над знаменитым учебником немецкого языка.

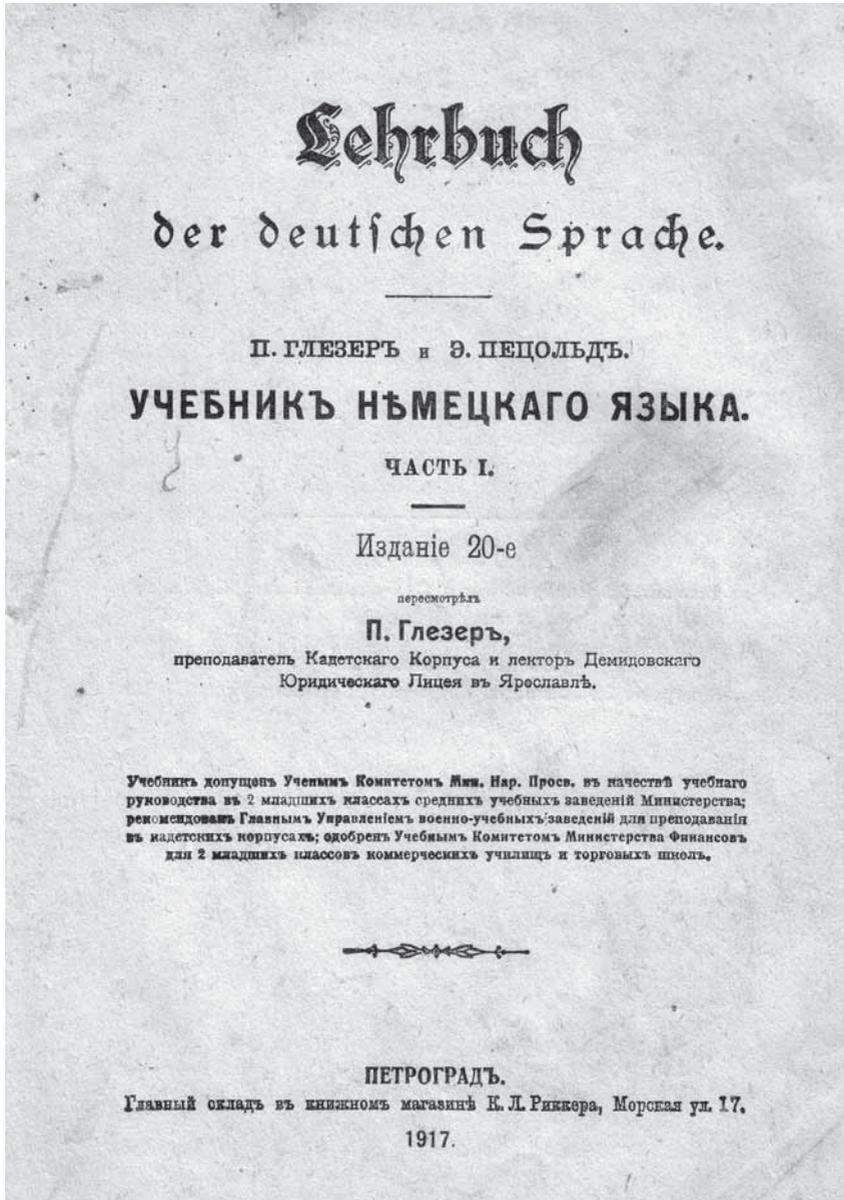

Рис. 5. Глезер П., Пецольд Э. Учебник немецкого языка. 1917 г.

на Украине. Интересно отметить, что после получения Эстонией независимости публикацией учебника в прибалтийской республике занимался брат Эрнста, Германн Пецольт (Hermann Pezold, 1877–1936), специально для этого основавший издательство «Полиглот»⁸.

Выпускник Ярославского кадетского корпуса Юрий Владимирович Макаров в своих воспоминаниях⁹ пишет: «5 августа 1896 г., в девятилетнем возрасте, после экзамена... я был принят в 1-й класс Ярославского кадетского корпуса... Было два отличных немца (слово “наци” тогда еще не было выдуманно) — Глезер и Пецольт (рис. 6). Они под шумок составили учебник немецкого языка, настолько хороший, что он вскоре был принят как обязательное руководство для всех военно-учебных заведений».

В сентябре 1904 г. уже в возрасте 42 лет и в звании отца семейства педагог Пецольт прибывает в Рыбинск, где начинает свою карьеру в недавно открытом городском Коммерческом училище (рис. 7), попутно инспектируя школы. Следует отметить, что 1 февраля 1890 г. Э.К. Пецольт женился на дочери действительного статского советника Марте Павловне Фрезе (1862–1945), брак с которой был заключен в Ревеле. К моменту переезда в Рыбинск в семье Пецолтов росли сыновья: Роман-Карл-Павел (1890 г.р.), Георгий-Иоганн-Сигизмунд (1892 г.р.), Эрнст-Федор (1894 г.р.) и дочь Маргарита (1896 г.р.)¹⁰.

Городское коммерческое училище было открыто в 1902 г. по инициативе местного купечества. В училище принимались дети всех сословий и вероисповеданий. Учебная программа базировалась на Уставе реальных училищ, при этом значительное внимание уделялось иностранным языкам и специальным коммерческим наукам. Выпускники училища получали аттестат и удаивались звания личного почетного гражданина, если по рождению не принадлежали к высшему званию. Окончившие полный курс с отличием удаивались звания кандидата коммерции.

Директором училища был выпускник Петербургского университета М.И. Черников (1858–1917), отношения с которым у принципиального Эрнста Карловича не сложились. О характере конфликта можно судить по нижеприведенному отрывку из заявления от 30 июля 1910 г. Эрнста Пецольта в Попечительский совет Рыбинского коммерческого училища¹¹: «В течение восьмилетнего существования Рыбинского коммерческого училища — это Попечительскому совету известно — неоднократно происходили более или менее серьезные

Рис. 6. Кадетский корпус. Ярославль

Рис. 7. Коммерческое училище. Рыбинск

столкновения между директором училища и равными членами Педагогического комитета. Последствием этих столкновений был уход преподавателей: г. Филатова, Великопольского, Дизера. Наконец, эти столкновения вызвали в декабре месяце 1908 г. продолжительную и основательную ревизию со стороны главного инспектора учебного отдела Афанасия Гавриловича Малинина. Эта ревизия обнаружила серьезные беспорядки и недостатки в режиме директора училища М.И. Черникова. Тем не менее Попечительский совет счел возможным доверить училище и на следующий год Черникову, не придавая серьезного значения ни жалобам господ преподавателей, ни ревизии главного инспектора. Последствием этого был уход преподавателей: г. Н.А. Цветкова, Э.Б. Фрея и Серебрякова К.П. Преподаватели В.Г. Покровский, Б.Г. Верди и я должны были остаться, так как не нашли подходящих мест. Учебный год прошел, но атмосфера не улучшилась, и поводов к неудовольствию было достаточно! Наконец в марте сего года произошло между мною и господином директором сильное столкновение из-за экзаменационной работы по немецкому языку. Работы двух учеников VII класса Крюкова и Двойникова мною были признаны написанными самостоятельно...

Директор старался доказать неправильность моих показаний в рецензии по поводу оценок годовых письменных работ Крюкова.

...Однако, когда ученик VII кл. Двойников сознался мне в том, что действительно им была списана часть экзаменационной работы, директор в разговоре с ним назвал его “святым дураком”, потому что сознался господину инспектору.

Обо всем этом 22 мая мною лично было сообщено господину председателю Попечительского совета Е.С. Калашникову. Последний посоветовал мне подать письменное заявление в Попечительский совет, что я и сделал 4 июня. До сих пор ни на мое заявление Попечительскому совету, ни на письмо господину Калашникову с просьбой ускорить дело ответа не последовало. Из этого я должен заключить, что и в этом случае Попечительский совет одобряет образ действий господина директора.

При таких условиях в Рыбинском коммерческом училище я служить больше не могу и поэтому должен известить Попечительский совет о том, что веду переговоры с некоторыми ректорами в Санкт-Петербурге с целью перехода туда.

Считаю, однако, еще долгом указать на то, что в течение 8 лет ушел 21 человек и постоянные столкновения преподавательского персона-

ла с директором только пагубно должны влиять на дальнейшее развитие молодого учебного заведения».

Образ учителя Пецоляда хорошо дополняет отзыв Н.Д. Григорьева, воспоминания которого готовит к изданию рыбинский краевед Владимир Иванович Рябой¹²: «Из учителей мне особенно запомнились Эрнест Карлович Пецольд и Мария Ильинична Черникова. Эрнест Карлович преподавал нам немецкий язык по учебнику, автором которого был сам. Представительный худощавый мужчина лет под пятьдесят, с пышной совершенно белой шевелюрой и длинными белыми же усами, он одевался с иголки, носил крахмальные рубахи и мыл руки после каждого урока. С учениками обращался изысканно вежливо, а когда сердился, принимал холодно-иронический тон. На его уроках доминировала немецкая речь (хотя он прекрасно владел русским языком) — он преподавал по принципу от практики к теории. Ребята любили и хорошо усваивали этот предмет».

К рыбинскому периоду относится и поучительная переписка Э.К. Пецоляда с Канцелярией дворянства (аналог канцелярии Дворянского депутатского собрания) Эстляндской губернии¹³. Целью переписки являлось сопричисление детей педагога к дворянскому сословию. По действующим в Российской империи уложениям этому акту предшествовал достаточно сложный и длительный процесс — на рассмотрение Дворянского собрания предоставлялись метрики родителей и детей, копии брачного свидетельства и документы, доказывающие дворянское происхождение родителя. После рассмотрения дела в Дворянском депутатском собрании представленные документы вместе с протоколом пересылались в Департамент герольдии Правительствующего Сената и только по его решению принималось окончательное решение. В нашем случае переписка продолжалась два года, и положительное решение было получено только в 1911 г.

По данным, предоставленным членом Рыбинского историко-родословного общества Ольгой Николаевной Крейн, в 1910 г., к моменту отъезда из Рыбинска, Э.К. Пецольд имел чин статского советника и был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны III степени, серебряной медалью в память царствования Александра III для ношения на груди на Александровской ленте¹⁴.

В 1910 г. Эрнест Карлович вернулся в Санкт-Петербург и заменил в школе Карла Мая будущего знаменитого языковеда М. Фасмера (1886—1962), который был командирован за границу. Школа только что переехала в роскошное здание на 14-й линии Васильевского

Рис. 8. Гимназия Карла Мая. Санкт-Петербург. Открытка начала XX в.

острова (рис. 8), построенное на средства Попечительского совета. В этот период Пецольд квартировал по адресу: Выборгская сторона, Симбирская улица, д. 10, кв. 4¹⁵.

Как уже говорилось, в начале XX в. школа К. Мая переживала период своего расцвета. Гимназия пользовалась заслуженной репутацией одного из лучших средних учебных заведений России.

Несколько строк педагогу Пецольду посвятил выпускник гимназии К. Мая Л.В. Успенский¹⁶: «Большинство моих сверстников помнят “Глезера и Пецольда”, учебник немецкого языка. Так вот, господин Пецольд, высокий старик в военной форме (он преподавал также в каком-то кадетском корпусе), был нашим учителем».

С 1911 г. Пецольд преподавал в Кадетском корпусе Александра III (рис. 9), «с оставлением сверхштатным преподавателем в гимназии К. Мая». Ниже приводятся заметки еще одного бывшего ученика школы К. Мая Леонида Львовича Кербера (1903–1993), поступившего в Первый кадетский корпус¹⁷: «Наш немец Пецольд был дремучий. И требовал перед уроком молитву. Православная, но произносилась на немецком языке. Точно не помню, кто заканчивал молитву перечислением всякого рода страждущих и обремененных, а под самый финал по-русски добавлял: “Унд набалдашник”».

Рис. 9. Первый кадетский корпус. Санкт-Петербург. Снимок начала XX в.

Долго все шло нормально. Пока на немецкий язык не появился инспектор. Дежурный отбарабанил молитву, но вот от “унд набалдашник” воздержался.

Пецольд долго недоумевал и ждал, а потом произнес: “Абер потчему нет унд набалдашник?”

Ну дальше, как вы понимаете, кому где-то сколько-то дней без отпуска на воскресенье.

...Второй раз меня выгнали из корпуса за организацию демонстрации (несанкционированной). Я купил в писчебумажном магазине штук 20 плакатов “Здесь просят по-немецки не разговаривать!” Такие плакаты продавали всюду квасные патриоты во время войны, я такие плакаты даже в сортирах видел.

Перед уроком немецкого языка плакаты были мною прибиты кнопками по всем стенам класса, включая и доски, на которых мелом писали вокабулы. Прикнопил и на кафедре.

Господин Пецольд окаменел, пискнул: “Смирно!” — и исчез. Через пять минут он вернулся с классным наставником и ротным командиром. Ротный разъяснил, что хотя Пецольд и немец, но русский патриот, затем традиционное: “Кто это сделал? Подойдите к кафедре!” Я гордо, печатая шаг, подошел (примечательно, что Леонид даже

не вспомнил, что и сам по национальности является немцем. — *Прим. М. Т.*) Меня повели в учительскую, а оттуда дядька на извозчике привез домой. Мать была в отчаянии. Но, как и в первый раз, адмирал-отец помог, и после трех дней пребывания дома опять все вернулось на круги своя...»

Если о первом эпизоде можно говорить только с улыбкой — Э.К. Пецольд прекрасно владел русским языком, то второй отрывок вызывает смешанные чувства, так как свидетельствует о возраставших в российском обществе антинемецких настроениях, что не могло не сказаться на судьбах тысяч российских немцев.

Вершиной педагогической карьеры Э.К. Пецольда в России было место директора немецкой коммерческой школы в Санкт-Петербурге, которое он занимал с 1913 по 1918 г. Переворот 1917 г. не вызвал большого восторга у сторонника немецкого ордунга, и в 1918 г. Эрнст Карлович возвратился на родину, в уже независимую Эстонию.

В короткий период немецкой оккупации Эстонии в 1918 г. Эрнст Пецольд был назначен руководителем 2-й реальной школы в Ревеле (Таллине) (рис. 10). Однако антинемецкие настроения были уделом

Рис. 10. Немецкая реальная школа (Revaler Ober-Realschule). Таллин, 2013 г.
Фото автора

не только России, кроме того, недовольство эстонского общества усугублялось наличием у Э. Пецольда «российского следа». Для прекращения взаимного непонимания между учениками и директором Управление школ г. Таллина временно закрыло школу. После вывода немецких войск из Эстонии школа открыла двери под именем Таллинской городской коммерческой школы для мальчиков уже под руководством Вольдемара Раама (Voldemar Raam). Э.К. Пецольд с 1919 г. вплоть до выхода на пенсию в 1925 г. находился на должности преподавателя Немецкой реальной школы (Revaler Ober-Realschule)¹⁸, которая располагалась в одном здании с эстонским Таллинским реальным училищем. Преподавание в школе велось на немецком языке. Дети учились во вторую смену после окончания занятий в эстонской школе. Интересно отметить, что одновременно с Э.К. Пецольдом в этой же школе преподавала хорошо знакомая нам петербургская художница Клара Цейдлер — сестра бывших питомцев гимназии Карла Мая.

Как уже отмечалось, адаптированный к требованиям эстонских школ знаменитый учебник немецкого языка Пецольда выдержал несколько изданий в Эстонии. Кроме того, известны многочисленные издания «Истории немецкой литературы» для эстонской средней школы, опубликованные под редакцией Э. Пецольда в 1922–1925 гг.¹⁹ Брат Эрнеста Пецольда, Германн (Hermann Pezold) (рис. 11), в 1925 г. отдельной книгой издал сборник упражнений к знаменитому учебнику²⁰.

Земной путь талантливого педагога завершился на семьдесят девятом году жизни, 22 декабря 1940 г., в польском городе Шветц, куда семья бежала после советской оккупации Эстонии в 1940 г. Скорее всего сердце педагога не выдержало трудного и долгого переезда...

В заключение хочу поблагодарить моих терпеливых и бескорыстных друзей, которые смело могут считаться соавторами этой работы. В первую очередь слова благодарности должен

Рис. 11. Германн Пецольд (1877–1936) — брат и издатель Э.К. Пецольда. ЕАА. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 222. Л. 473

адресовать моему постоянному и деятельному коллеге, Ирине Леонидовне Лейнонен (Лауша, Германия), которая взяла на себя труд по поиску источников и переводу немецких текстов. Не менее важный вклад в подготовку публикации внесла Наталья Лачинова (Таллин, Эстония), благодаря которой мы получили бóльшую часть архивных материалов из эстонских архивов. Отмечу также важные дополнения члена Рыбинского историко-родословного общества Ольги Николаевны Крейн и традиционную помощь моей супруги Натальи Валиевой, без которой эта статья не увидела бы свет.

1. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1.
2. Фонд Амбургера. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74486> (дата обращения: 17.03.2014).
3. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 13.
4. Там же.
5. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. / Сост. А.П. Морозов. Ярославль, 1908. С. 62.
6. *Глезер П., Пецольт Э.* Учебник немецкого языка. 20-е изд. Пг., 1917. Ч. 1.
7. *Глезер П., Пецольт Э.* Учебник немецкого языка (Lehrbuch der deutschen Sprache). 17-е изд. Рига; Ревель; Берлин, 1922. Ч. 2. (Leipzig: Druck von Metzner & Bittig).
8. *Saksa keele õpetus / P. Gläser ja E. Pezold; Eesti koolidele ümbertõotanud H. Pezold.* Tallinnas, 1925.
9. *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии. 1905—1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951.
10. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 14.
11. *Чубукова Ю.И.* Рыбинское коммерческое училище. 1902—1918. Рыбинск, 2008. С. 115.
12. URL: <http://wid-m-2002.ru/ethnographerandlocalhistory/nikolaygrigoriev/memoriesexcerpt.html> (дата обращения: 17.03.2014).
13. ЕАА. Ф. 0854. Оп. 003. Д. 0000563.
14. *Чубукова Ю.И.* Указ. соч. С. 116.
15. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.
16. *Благово Н.В.* Указ. соч. С. 379.
17. Воспоминания Леонида Львовича Кербера // Копытов Г.А. Керберы. Фамильный код. XIV—XXI вв. СПб., 2013. Т. 2. С. 58.
18. *Märt Karmo.* Must-kuldne müts me peas... . II: Tallinna Reaalkool 1920—1940. Saksa Reaalkool 1919—1939. Tallinna Reaalkool, 2011.
19. *Saksa keele õpetus / P. Gläser ja E. Pezold; Eesti koolidele ümbertõotanud H. Pezold.* Tallinnas, 1921.
20. *Harjutused P. Glaeser'i ja E. Pezold'i saksa keele õpetusele.* Tallinnas, 1925. (Tartu: J. Varrak).